

Мистический узор судьбы

Наталья Калинина

Яблоневый сад для Белоснежки

роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление серии – *Е. Анисина*
Иллюстрация на обложке – *О. Исаева*

Калинина, Наталья Дмитриевна.
К17 Яблоневый сад для Белоснежки : роман / Наталья Калинина. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 320 с. – (Мистический узор судьбы. Романы Натальи Калининой).

ISBN 978-5-699-87825-3

Ах, судьба! То мать, то мачеха! Поднесет она тебе на блюдечке с голубой каемочкой румяное яблочко, глядишь – а оно оказалось отравленным...

Разве могла наивная Даша хотя бы подумать, что состоятельный испанец, выбравший ее из сотни девушек, ищущих счастье в брачном агентстве, скрывает страшную тайну? Вот она уже в Барселоне, и любящий муж сдувает с нее пылинки. Жизнь прекрасна... если бы не странности большого старого дома: комната, в которую нельзя заходить, таинственная музыка по ночам, крики, стоны, звон бьющейся посуды...

Что же стоит за всем этим? Девушке придется либо разобратся во всем, либо погибнуть.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87825-3

© Калинина Н., 2016
© Исаева О., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

«К

огда-нибудь и на нашей улице опрокинется грузовик с шоколадными пряниками!» — назойливо крутилась в голове фраза сомнительной оптимистичности, горячо любимая моей подругой Веркой, когда я сходила с трапа самолета на чужестранную бетонку. Испания встретила солнцем, сиявшим с безупречно-синего неба с такой жизнерадостной простотой, что заподозрить его в каком-либо подвохе было бы сущим кощунством. Тогда как в России оно не подарило мне даже скудной прощальной улыбки.

Справиться с волнением оказалось сложно. Оно, ненадолго обезоруженное приветливым солнцем, вновь вернулось к боевой готовности, когда я в длинной очереди туристов ожидала паспортного контроля. И вместо того чтобы спокойно стоять на месте, я вертела головой по сторонам, то и дело одергивая куртку и под-

тягивая джинсы. Чем вызвала любопытство таможенника, отчасти переходящее в подозрение. Он долго изучал мой паспорт, бросая на меня строгие взгляды, и наконец что-то спросил. Что — непонятно: мой испанский, который я самостоятельно изучала дома, хоть и сдвинулся с нулевого уровня, но до свободного разговорного еще не дорос.

Таможенник повторил вопрос по слогам, но я смущенно развела руками: простите, не понимаю.

— Куда ви? — с жутким акцентом спросил он. Подозреваю, ему пришлось выучить эту фразу не только на русском языке.

— А! К мужу. А... ми маридо. Да. То есть «си», — ответила я и для пущей убедительности потрясла перед окошком рукой с обручальным колечком. Таможенник ничего не ответил и наконец-то поставил в мой паспорт штамп.

«А с испанским у тебя, Дарья, бо-ольшие проблемы, — ехидно отозвался внутренний голос. — Как же ты будешь с мужем общаться?» — «Как-нибудь... Как раньше», — отмахнулась я от собственных сомнений, выходя в просторный зал барселонского аэропорта Прат. Какие тут могут быть сомнения, когда, со слов все той же Верки, на моей улице рассыпалось шоколадно-пряничное содержимое кузова не одного грузо-

вика, а каравана фур. Выйти замуж за обеспеченного европейца, который пылинки с тебя сдувает, — это, по мнению моих подруг и коллег, лотерейный билет с Гран-при.

Толкая перед собой тележку с чемоданом и сумкой, я вышла в зал ожидания и завертела головой, отыскивая в толпе встречающих Антонио.

— Ола, гуапа!¹ — раздалось справа. И мой муж без старомодной робости заключил меня в объятия. Мой муж... Все еще непривычно, что этот мужчина, с которым я познакомилась не так давно и с которым мы до свадьбы виделись слишком мало, — мой муж. Муж мой. Я мысленно, как леденец во рту, катала эти два слова, меняя их местами и снова выстраивая в нужной последовательности, все еще удивляясь их необычному «вкусу», привыкая к нему и не отваживаясь решить, нравится ли он мне или нет.

— Ола! — отозвалась я и стеснительно сомкнула руки за его спиной. От Антонио пахло одеколоном, запах которого очень подходил ему: не прозрачно-свежий, как легкомысленная юность, а выдержанный, словно коллекционное вино, с классической можжевелевой нотой

¹ Привет, красивая! (*Исп.*)

и терпкостью мускатного ореха. Такой же зрелой и классической была его красота.

Мы с ним представляли собой довольно колоритную пару, выигрывающую на контрастах: Антонио старше меня почти вдвое, а моему облику излишнюю инфантильность придавали белесые, сильно вьющиеся волосы, которые Верка называла «одуванчиковым пухом», веснушки на носу и худые, как у подростка, колени.

— Как ты? — спросил Антонио меня на испанском. Надо отдать ему должное: он старался подбирать для меня наиболее простые фразы и произносил их чуть ли не по слогам.

— Хорошо.

— Идем?

— Да.

Семена следом за Антонио (мужем называть его еще было слишком непривычно) к машине, я чувствовала себя маленькой девочкой, которую отец повел на воскресную прогулку в парк. И хоть это был мой второй приезд в Испанию, я вертела головой по сторонам, будто все видела впервые: умиляли и удивляли пальмы, казавшиеся мне особо экзотичными в это время года — в конце октября. Когда-нибудь они станут для меня обыденными, а в восхищение, переходящее в ностальгию, будут приводить россий-

ские березки. Но сейчас, задирая голову, чтобы лучше рассмотреть высокие разлапистые верхушки, которые лениво трепал южный ветер, я улыбалась во весь рот. И Антонио, оглянувшись, чтобы проверить, не отстала ли я, весело бросил мне:

– Гуапа!

Красивая. Открытые дружелюбные испанцы не скупят на комплименты, это я поняла еще в свой первый приезд.

Переглядываясь и дурашливо улыбаясь друг другу, мы погрузили в багажник синего «БМВ» мои вещи и отправились в путь.

Мы неслись по скоростной автомагистрали куда-то на север от Барселоны под аккомпанемент льющих из магнитолы испанских песен, время от времени прерываемых журчащим каталонским наречием радиоведущего. Мы не разговаривали, лишь иногда молча переглядывались, и я, от напряжения сжимая ладонями собственные колени, затянутые в грубую джинсовую ткань, стеснительно улыбалась Антонио. Все слова, фразы, которые я учила на испанском языке и репетировала перед отъездом, забылись. И из восьми уроков, повторенных в самолете, мне запомнилась только дурацкая фраза: «Это кот. Кот находится под столом», не имеющая к встрече с Антонио — *моим му-*

жем — никакого отношения. Вот если бы в машине чудесным образом оказался стол, а под ним — кот, тогда, наверное, я смогла бы порадовать мужа (а еще больше — себя) познаниями в языке.

— Как ти? — спросил по-русски Антонио, встревоженный моей видимой нервозностью.

— Хорошо, — кивнула я и призналась: — Ничего не помню из испанского языка!

Муж, не отрывая взгляда от дороги, чуть склонил голову влево, прислушиваясь ко мне. Он, похоже, не понял мою фразу. Его русский хоть и был лучше моего испанского, но тоже лишь тщетно тянулся на цыпочках до свободного разговорного уровня. Беда. «Беда», — повторила я про себя и, вздохнув, отвернулась к окну. Как всегда. В первые мгновения встречи мы с Антонио переставали понимать друг друга. И излишнее стеснение лишь усугубляло наше языковое фиаско. Но через некоторое время мы находили общий язык — в буквальном смысле слова.

Пейзажи за окном не были такими однообразно-березовыми, как если бы мы ехали русской дорогой. Густые, невероятно изумрудные в конце октября леса (кое-где осенняя желтизна все же коснулась листвы, дав легкий намек на календарную осень, но эта желтизна не отлива-

ла золотом, как в России, а была скучно-коричневого оттенка) сменялись такими же зелеными полями, которые обрывались аккуратными торгово-промышленными зонами — маленькими, словно карманными, фабриками и соседствующими с ними огромными павильонами коммерческих центров. И не успевала я как следует рассмотреть вывески на них, как мой взгляд уже упирался в неожиданно выросшую гору. Равнины здесь проигрывали в счете горам и даже не пытались взять реванш. Горы, горы, горы — куда ни посмотри. Горы, закутанные в зеленые меха лесов. Горы, чьи острые вершины горделиво, как коронами, украшены старыми, что дух захватывало от их древности, каменными развалинами, бывшими когда-то замками или церквями. «Жилые» горы, как я их про себя окрестила, с пуэблами — испанскими деревнями. Такие горы, словно новогодние елки, были усыпаны до самых макушек беспорядочной россыпью красно-белых домиков. Горы оставались позади, и я видела уже другие поселки, занимающие не акробатические висящие позиции вдоль склонов, а выстроенные на привилегированных равнинах. Такие пуэбла четкостью линий напомнили мне макетные городки. Нередко попадались одинокие дома, особняком стоявшие на краю поля. Двух- трехэтажные, но

казавшиеся приземистыми из-за массивных каменных стен, вдавливающих своей тяжестью в землю. И, как правило, старые настолько, что их возраст смело можно считать не десятками лет, а столетиями. Какие-то дома были жилыми: я видела припаркованные машины, белье на веревках. Но часто попадались дома полуразрушенные, заброшенные. Видимо, прежние хозяева, устав от отшельничества, подавались жить в город, оставляя свои жилища медленно умирать. И чем дальше мы удалялись от Барселоны, тем чаще встречались такие запущенные хозяйства. Внезапно мне пришло в голову, что дом Антонио может оказаться особняком, затерявшимся где-то между полями, лесами и горами. И я повернулась к мужу так резко, что он, отвлекшись от дороги, вопрошающе вскинул брови.

— Нет, нет, ничего, — замотала я головой.

К моему облегчению, мы вскоре свернули на дорогу, подъемами и впадинами напоминающую «американские горки», что вела к видневшемуся вдали пуэбло. Значит, не домик в поле, а «домик в деревне». Уже хорошо, хоть и далеко от населенной, более близкой мне, эскжительнице мегаполиса, Барселоны.

Мы проехали почти весь поселок, в котором мне ничего не запомнилось: он закончился пре-

жде, чем я успела что-либо рассмотреть. И, вынырнув из желоба узких улиц на резко раскрывшееся ладонью пространство, промчались через небольшую коммерческую зону с бензозаправкой и павильоном, торгующим керамикой, поле (все же поле! Не «домик в деревне») к огороженной каменным забором с вьющимся по нему плющом доmine.

— Это — дом, да, — чуть ли не впервые за всю дорогу открыл рот Антонио. В его голосе слышались и плохо скрываемая гордость (а гордиться было чем: дом внушал уважение и своими размерами, и древностью стен), и беспокойство, а понравится ли мне это место.

Понравится. Я в этом не сомневалась. Оно мне уже нравилось потому, что казалось таким экзотичным.

Мы прошли небольшой двор, миновали арочную дверь и очутились в квадратной прихожей, освещенной вмонтированными в каменные стены светильниками, напоминающими старинные газовые рожки. Как я потом заметила, такие рожки освещали и коридоры, и лестницы, и гостиную. Прихожая была почти пуста, если не считать скамейки, старинного высокого комода из темного, почти черного дерева и висящего над ним зеркала в оправе в тон комоду. Две лестницы по обе стороны при-

хожей вели наверх, и я, с любопытством оглянувшись на одну из них, подумала, покажет ли Антонио мне дом. Он, поняв мой взгляд, засмеялся:

— Вамос!²

За дверью передней оказалась кухня-столовая, длиной и антуражем похожая на залы таверен из исторических фильмов. Длинный деревянный стол, накрытый парадно-белой тканой скатертью, и расставленные по его периметру стулья количеством не менее двадцати. Старомодный буфет с вполне современным сервизом. Голые, как и в прихожей, стены, на коих в качестве декора развешаны старинные предметы кухонной утвари. Мне казалось, что в помещении из голого камня должно быть холодно и сыро, однако стены толщиной почти в метр надежно хранили тепло, источником которого был камин, сейчас не растопленный, но с сохранившимся в нем пеплом от недавней топки. Я в восторге вертела головой по сторонам, восхищаясь столь точно сохранившейся обстановкой старины, не идущей, к моему удивлению, вразрез с современной техникой, какой была напичкана маленькая кухня в дальнем углу столовой. То ли Антонио обладал столь отмен-

²Идем! (*Исп.*)

ным вкусом, то ли здесь поработал хороший дизайнер, но, без сомнения, удалось добиться отличной гармонии антикварных вещей с современными.

Не успела я оглядеться тут как следует, как муж ввел меня в следующее помещение — огромную гостиную, соседствующую со столовой. Как и прихожая, гостиная была почти лишена мебели. Только глубокие диваны, расставленные вдоль трех стен, и каменный стол. На нем — телевизор и DVD. Не удержавшись, я со священным трепетом тронула стену — словно прикоснулась к святыне. Впрочем, этот дом и был самой что ни на есть старинной реликвией. По письмам Антонио я пыталась и раньше представить его себе, но все равно мое воображение проиграло.

Антонио, не произнося ни слова (они тут и не были нужны, могли бы ненароком разрушить наваждение погружения в другую эпоху, полную тайн), с улыбкой повел меня дальше. Мы вернулись в прихожую и вошли в дверь, расположенную под одной из лестниц. Я пригнула голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, и мысленно отметила, что впредь надо быть осторожной: притолоки не везде были рассчитаны на мой стосемидесятичетырехсантиметровый рост. Комната оказалась